

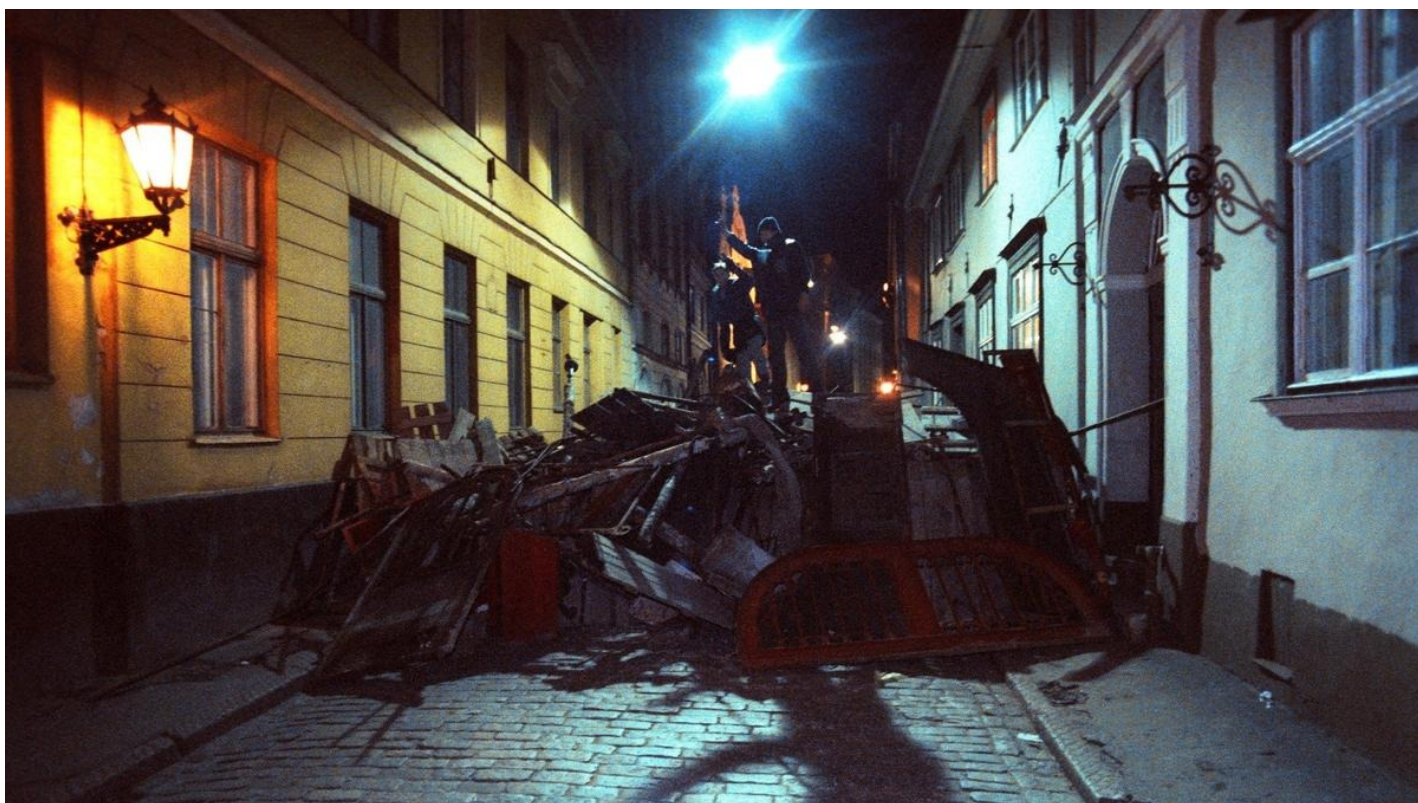

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ПОЛИТИКА

Черный январь

Неизвестные подробности: защитники СССР против сторонников независимости Латвии

Январь 1991 года. Баррикады в центре Риги. Фото: Дмитрий Соколов / ИТАР-ТАСС

18:12, 24 января 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Январь в Риге — это память о баррикадных днях 1991 года. Спустя 35 лет они во многом обросли мифами и легендами. Самые честные свидетели того времени — гранитные камни у Бастионной горки. Их там пять — по числу погибших в трагическую ночь с 19 на 20 января 1991 года. О том, что тогда происходило, рассказывает Татьяна Фаст, известный латвийский журналист, создатель и главный редактор независимых латвийских газет («Независимая Балтийская газета», «Балтийская газета», «Телеграф»), документалист и автор книги о Юрисе Подниеке «Опасный свидетель», отрывок из которой публикуем сегодня.

Татьяна Фаст. Фото: podtail.se.jpg

В январе 1991 года в Риге было неспокойно. Уже существовало две прокуратуры — советская и независимая, две милиции, Верховный Совет не подчинялся Москве, а Совет министров,

возглавляемый физиком Иваром Годманисом, втайне от Внешэкономбанка СССР спортивными сумками переправлял в Швецию первые сотни тысяч долларов для будущей Латвийской Республики. Пять лет спустя нам расскажет об этом шведский банкир Бу Краг, первый иностранный советник латвийского правительства, позже ставший вице-президентом шведского банка Handelsbank.

Лидеры латвийской компартии разрабатывали план создания комитетов спасения — для перехвата власти у Народного фронта. Как в 1918-м и в 1940-м, Латвия была расколота пополам, и красная линия разделяла не только русских и латышей — она змеей проползала между членами семей и раскалывала их на защитников СССР и сторонников независимости.

Всю Латвию держал в страхе ОМОН, отряд особого назначения, поначалу созданный для борьбы с организованной преступностью, а ставший политическим орудием в руках советских спецслужб.

Советская пресса делала из них защитников справедливости и порядка. Независимая — зловещих демонов.

Среди определенной части молодежи ОМОН был очень популярен. К ним шли, записывались как в добровольческую армию. Бывшие афганцы, те, кто не нашел себя в мирной жизни, разные недовольные, обиженные. Их тренировали. Давали в руки оружие... В итоге на базе в Вецмилгрависе собралась довольно разношерстная компания, которой умело руководили. Наиболее осторожные чувствовали, что в отряде что-то не так, что за их спинами что-то готовят. Некоторые не

выдерживали, сбегали. Был даже случай, когда один такой перебежчик явился в парламент и рассказал, как их там накачивают антилатышской идеологией и готовят к боевым действиям против Латвийской Республики.

Все жили в тревожном ожидании, что вот-вот на улицах появятся советские танки и в Латвии будет введено президентское правление.

Мы с друзьями — Георгием Целмсом, Галиной Гришиной, Вильгельмом Михайловским, Александром Краснитским и другими — издавали еженедельную «Независимую Балтийскую газету» (НБГ), единственное тогда частное латвийское издание на русском языке, которое поддерживало стремление Латвии к независимости. Она выходила 100-тысячным (!) тиражом и распространялась по всему СССР — от Украины до Камчатки. Отовсюду нам приходили письма поддержки от русских, украинцев, чувашей: балтийцы, мы с вами!

В то время российская интеллигенция, да и вся демократически настроенная публика СССР яростно поддерживали отделенческие настроения Балтии — они считали, что если Балтия прорвет брешь в имперской оборонительной цепи, то счастье улыбнется всем. Поэтому у нас печатался цвет демократической российской мысли: историк Юрий Афанасьев, экономист Лариса Пияшева, публицисты Анатолий Стреляный, Аркадий Дубнов (Минюстом РФ признан «иноагентом»), будущий мэр Москвы Гавриил Попов и многие-многие другие.

Наши авторы к нам изредка наведывались — посмотреть, как реально происходит борьба за свободу, по нашей просьбе проводили у нас планерки. Так, однажды к нам занесло классика советского судебного очерка Аркадия Ваксберга, несколько раз приезжал Анатолий Стреляный, не раз бывал будущий советник по помилованию при президенте России Ельцине писатель Анатолий Приставкин, автор нашумевшего

романа «Ночевала тучка золотая». В январе 1991 года мы с ним вместе раздавали свою газету баррикадникам, о чем он написал в книге «Тихая Балтия».

НБГ тогда много писала об ОМОНе — о сожженных его сотрудниками таможнях, о перестрелках, которые они устраивали. Мы даже издали специальное приложение «ОМОН», главным достижением которого стали фотографии Вильгельма Михайловского, сделанные им на базе отряда, в казармах, куда не ступала нога ни одного журналиста. Какими правдами и неправдами Вильгельм туда попал, не помню, но это была настоящая журналистская сенсация. Надо сказать, что на фотографиях они выглядели настоящими Рембо. Накачанные парни в тельняшках не прочь были покрасоваться на фоне флагов с черепами и костями, плакатов с обнаженными девушками и автоматов Калашникова. Они уважали силу и оружие и предпочитали не думать, а действовать. Эти фотографии Михайловского потом обошли многие мировые агентства.

Январь 1991 года. На улицах Риги. Фото: Дмитрий Соколов / ИТАР-ТАСС

История под окном

О стрельбе в центре Риги меня известил звонок в дверь. Запыхавшийся Витя Гороховский, мой юный коллега по «Независимой Балтийской газете», в длинном белом пуховике нараспашку стоял в дверях и не переводя дыхание, захлебываясь рассказывал, как в него только что стреляли на углу улиц Кр. Валдемара и Элизабетес, у Штаба военного округа (ныне — Министерство обороны Латвии). И вообще в парке у Академии художеств перестрелка, омовцы ездят в уазиках и палят из задних открытых дверей.

— Я как представил свое белое пальто с пятнами крови, так припустил еще быстрее, — уже смеялся через пять минут мой 20-летний коллега.

Мы выскочили на балкон. С четвертого этажа углового дома на углу улиц Пулквиежа Бриежа и Элизабетес (ныне — отель

«Моника»), где размещалась моя квартира, открывался настоящий театр военных действий. Трассирующие автоматные очереди красными полосками расцвечивали мрачное зимнее небо, где-то в районе улицы Кр. Валдемара кто-то кричал в мегафон. Народу на улицах в этот воскресный вечер было немного, лишь по дорогам как сумасшедшие носились таксисты. Было件нятно, что что-то должно произойти. Мы решили оценить обстановку своими глазами.

На углу улиц Райниса и Кр. Валдемара поперек дороги стояла большая армейская машина. Там впереди явно что-то происходило, бегали люди и раздавалась стрельба. В те дни ждали, что советская армия может начать штурм Верховного совета, поэтому думали, что стреляют там. Но военный с мегафоном никого туда не пускал.

Мы обошли квартал со стороны Академии художеств. Здесь, недалеко от памятника Райнису, напротив гостиницы «Ридзене» (ныне — Radisson), собралась небольшая толпа, которая бурно обсуждала происходящее. Я стала опрашивать очевидцев. Кто-то видел стреляющих омоновцев, кто-то рассказывал, как у «Ридзене» недавно взорвалась машина... Там действительно дымились останки «Волги».

Я отметила про себя, что в толпе не было двух лагерей: и русские, и латыши единодушно осуждали стрелявших, еще не зная, кто они.

Вдруг неожиданно почти над нашей головой раздался грубый мат. С криком: «Ложись, гады, всех перестреляем!» — прямо по Эспланаде на нас с бешеной скоростью мчалась машина с омоновцами. Толпа бросилась врассыпную, было видно, как пули высекают искры из асфальта.

Не помню, сколько мы там простояли, у кого-то оказался с собой приемник: по нему сообщили, что есть жертвы. Мобильных телефонов тогда не было, поэтому кому-либо позвонить было невозможно. Трагические подробности той ночи я узнала позже, сидя перед телевизором. Диктор сообщил, что во время перестрелки на Бастионной горке погибли пять человек, среди них оператор группы Подниекса Андрис Слапиньш, а другой оператор группы, Гвидо Звайгзне, смертельно ранен.

Андрис Слапиньш. Фото: reportage.site

У меня до сих пор хранятся магнитофонные записи тех тревожных часов. На них — голоса людей из толпы, стрельба, сводки теленовостей, когда одно за другим стали называть имена погибших. Где-то в час ночи, когда домашние уснули, я села писать репортаж об увиденном. Кажется, к этому времени все в городе успокоилось.

Тогда мы еще не знали, что в эти часы внешнего затишья шли интенсивные переговоры между руководством латвийского МВД, омоновцами и Москвой. Что в мокрой снежной каше у Бастионной горки лежали прилетевшие спецрейсом из Москвы бойцы «Альфы»...

Мы не знали и того, что находящийся в здании МВД замминистра Индриксонс висит на телефоне с Москвой и ждет хоть каких-то разъяснений от земляка Бориса Пуго. А президент США Буш-старший, уже проинформированный о вильнюсском побоище и извещенный об операции в Риге, говорит с Горбачевым. Мы еще не знали, что в эту ночь решалась судьба Балтии.

Вдруг на улице загудели машины. Мимо моего дома в сторону ЦК Компартии Латвии на Элизабетес, 2, проехали два бэтэра. Я выскочила на крыльцо посмотреть, что будет. Бронемашины замерли у дверей ЦК. Прошло 10 минут, 20... Я замерзла и вернулась в дом. В ожидании какой-нибудь информации стала крутить ручку старого вэфовского транзистора. И вдруг слышала хриплую ругань омоновцев из бэтэра. Они с кем-то спорили по рации, выясняли, куда им ехать, и на чем свет ругали Рубикса и Горбачева. Я не поверила своим ушам. Голоса были неровными, то появлялись, то пропадали, но это были они, мятущиеся по городу в поисках пятого угла, загнанные в этот угол, сыгравшие в ту ночь свою роковую роль и брошенные своими командирами на произвол судьбы.

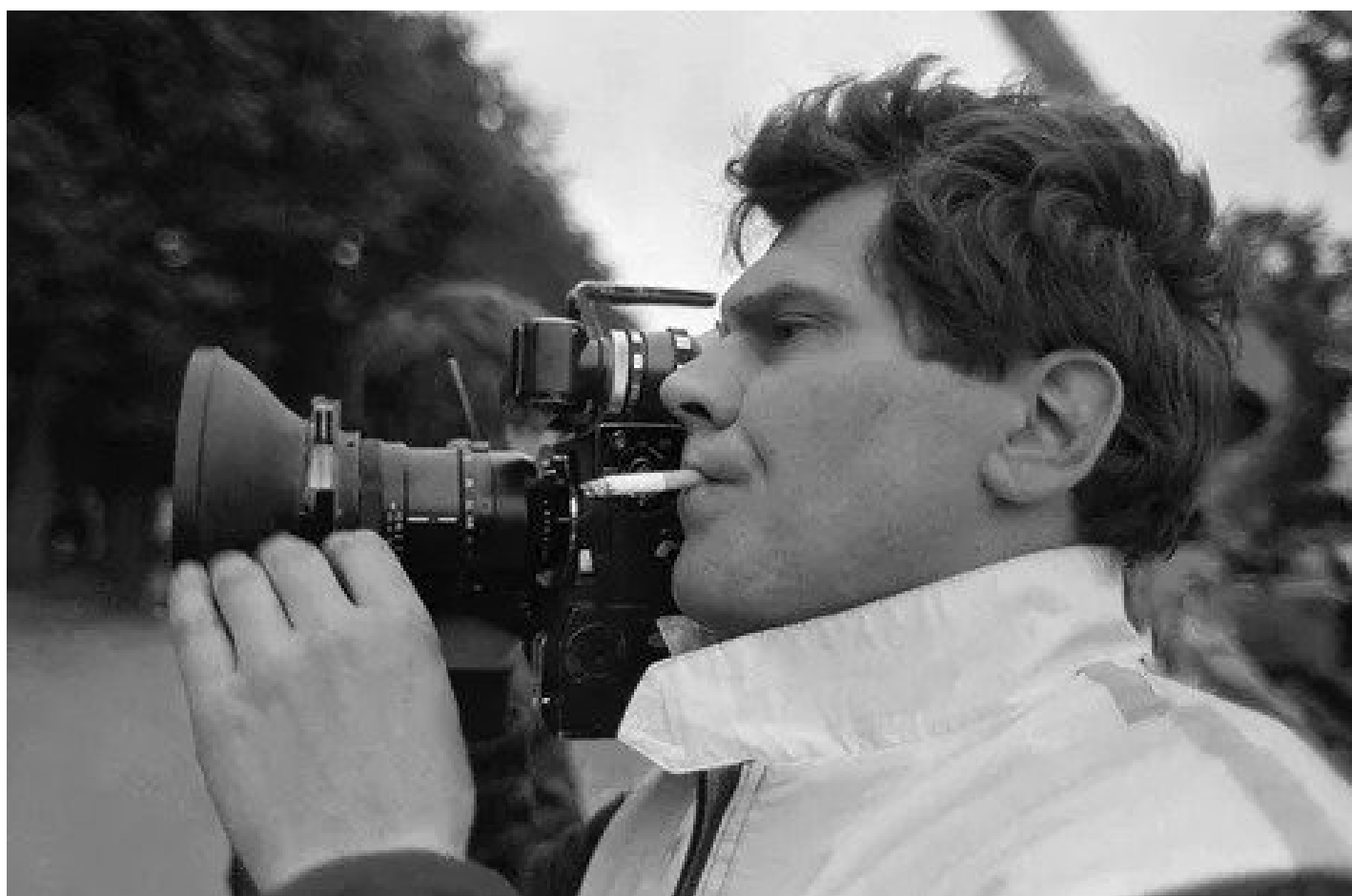
26 января 1991 года. Рига. Военнослужащие внутренних войск во время охраны здания Верховного Совета Латвийской республики. Фото: Дмитрий Соколов / Фотохроника ТАСС

«Снимай меня...»

В тот воскресный вечер Юрис Подниекс находился на своей студии. Она размещалась в центре Старой Риги, в так называемом Кошкином доме на улице Мейстару, 10. Со дня на день в Риге ждали повторения вильнюсских событий. Группа не расходилась всю баррикадную неделю, многие здесь же ночевали, поэтому и в тот вечер все были в сборе. В девять часов вечера позвонил кто-то из иностранных журналистов, сидевших в баре на 26-м этаже гостиницы «Латвия». Там первыми увидели трассирующие пули, разрезавшие вечернее небо, и поняли: что-то готовится. Юрис вышел на улицу посмотреть, что происходит. Перед этим у группы была договоренность: если начнутся боевые действия, самая большая камера Betacam останется за ним. Но тут все получилось не по сценарию. Пока Юрис выходил, все разбежались. В суматохе Андрис взял лучшую камеру. Гвидо схватил 16-миллиметровую.

Юрису осталась только маленькая. Он взял ее и выбежал вслед за всеми.

Сын Давис, который уже попробовал себя в операторском деле, запросился с отцом, но тот цыкнул на него: оставайся на студии. Выбегая, Юрис услышал выстрелы совсем близко и понял, что перестрелка происходит в районе Бастионной горки. Он решил, что события будут разворачиваться у МВД, а парк их прикроет. Вышло наоборот. Основные события происходили именно в парке.

Юрис Подниекс. Фото: архив «Новой Газеты»

Подниекс догнал Слапиньша уже у горки. Когда он только вбежал на мостик, то понял, что попал под перекрестный огонь. В десятке метров от него этот же огонь сразил милиционера, Юрис видел, как тот рухнул, это был Сергей Кононенко. На его глазах подстрелили школьника Эди Риекстиньша, и тот, раненный, тащился в сторону мостика. В это время Юрис

увидел Андриса, спрятавшегося за деревом со стороны Бастионной горки. Он стоял, прислонившись плечом к стволу, и снимал происходящее у МВД. Это было старое дерево с толстенным стволом, у камеры светился красный огонек индикатора, но виден он был только сзади. Юрис подбежал к нему, хотел что-то сказать, и в это время раздался выстрел. Это была снайперская пуля, которая попала Андрису прямо в сердце. Похоже, метились с близкого расстояния. Андрис стал падать, успев осознать, что с ним произошло. Последнюю минуту его жизни сохранила камера Подниекса: вместе с отчаянным криком Юриса: Maitas!.. Pagaidi, Andri! («Ублюдки! Андрис, подожди!») слышен хрип самого Андриса: «Снимай меня...» Кадры сохранили скорую, увозящую Андриса в Домский собор, где на случай чрезвычайных событий был развернут полевой госпиталь, и Юриса, бегущего рядом с носилками...

Потом будут другие носилки, на которых уже в другую скорую будут укладывать Гвидо Звайгзне, что-то бормочущего и еще не осознающего степень ранения. Его включенная камера сохранит весь его пробег по парку, пока он не залег у канала и не собрался снимать происходящее на другой стороне, у МВД.

Гвидо отвезли в Первую городскую больницу. В ту же ночь сделали операцию, пытаясь извлечь эту иезуитскую пулю. Врачи предупредили сразу: ранение несовместимо с жизнью. Можно надеяться только на чудо.

Остаток ночи Юрис провел в больничном коридоре. Ближе к утру знакомый журналист встретил его идущим по улице. Он шел, словно слепой, бледный, постаревший, и все повторял: «Это стреляли в меня...»

Когда рассвело, Подниекс снова пришел на тот злополучный мостик, перед глазами стояли страшные события прошедшей ночи. Он еще и еще раз прокручивал рефреном весь свой пробег и проклинал себя за то, что не сказал ребятам: «Стойте!» Выбеги они у памятника Свободы, все остались бы живы, говорил он себе. Зачем, ну зачем они побежали этой дорогой? Слезы текли по лицу, и он их не сдерживал. Не отпускала мысль: откуда же стреляли в операторов? И кто? Юрис прислонился к перилам мостика, огляделся: вот тут его и накрыл огонь. Все перила были изрешечены пулями, а одна так и застряла в перекладине, прямо на том месте, где он повернул назад. «Могла быть моей...» — содрогнулся он. И в который раз за последнее время подумал о Боге.

Неожиданно пришла мысль взять камеру и прямо сейчас, не откладывая, рвануть на базу ОМОН, посмотреть в глаза тем, кто вчера в него, в них стрелял. Даже если будут врать, выкручиваться, он узнает правду по их глазам... Сначала мысль показалась безумной, но с каждой минутой овладевала им все сильнее. Да, он должен действовать, схватить камерой эмоцию разгоряченных боем парней, влезть к ним в душу, если она у них еще осталась... Только так! И он поехал в Вецмилгравис. Не пустить Подниекса омовцы не могли. Они проговорили несколько часов...

Три недели врачи боролись за жизнь Гвидо. Юрис делал для друга все возможное и невозможное. Доставал лекарства через американцев. Обеспечивал лучших врачей. И до последнего надеялся на чудо. Поэтому устроил для спасения Гвидо вселатвийский молебен. Объявил по радио и телевидению, что просит всех в определенный час помолиться за раненого. Когда-то этот рецепт от филиппинского доктора Гутиереса помог его больному отцу... На сей раз чуда не случилось. Гвидо Звайгзне прожил после ранения три недели. 5 февраля он скончался.

Милиционера Сергея Кононенко, школьника Эдди Рекстиньша

и оператора Андриса Слапиньша похоронили на Лесном кладбище рядом. Оператор Гвидо Звайгзне, похороненный позже, покоится отдельно. Милиционера Владимира Гомоновича увезли на родину в Белоруссию.

18 января 1991 года. Баррикады на улицах Риги. Фото: Дмитрий Соколов / Фотохроника ТАСС

Анатолий Приставкин, писатель:

«В Риге строят баррикады... Обстановка истинно фронтовая, уж я-то еще помню те времена, когда немцы подходили к Москве.

В несколько рядов вокруг Дома правительства встали

машины, грейдеры, тракторы, бетоновозы, лесовозы, другие разные «возы»...

Не выстроились, а именно встали, сгрудились, окружили плотным кольцом, прикрыв собой беззащитные стены и входы нынешнего главного дома.

Машины сейчас похожи на людей, в них видна отчаянная решимость противостоять насилию. И даже танкам...

...Толпится народ, но любопытствующих мало. Больше тех, кто вышел защищаться: пикеты, дежурные, гражданская самооборона, правда, без оружия. У некоторых транзисторы, приемнички, слушают трансляцию из этого же дома, где вторую ночь заседает правительство.

На машинах — листовки, призывы, плакаты. На многих карикатурах — Горбачев. На улицы вынесены чай и кофе, их предлагают рабочим, зазывают и нас, по-русски...

Все революции друг на друга в чем-то похожи.

По приглашению Татьяны Фаст, она выпускает «Независимую Балтийскую газету», поехал в Ригу, чтобы подежурить вместе с редакцией на баррикадах...

Наскоро чего-то перехватили — кофе, бутерброды. Все восемь человек набились в редакционную старенькую «Волгу» и, прихватив номера газеты, направились к Домской площади... А на площади, будто в праздник, толпы народа. На крошечной, наскоро сколоченной

эстрадке перед Домом радио певцы и музыка, и масса молодежи, и даже танцы. С эстрадки выступают ораторы. Предоставили слово и мне... Все было сказано, и придумывать не надо было, все вылилось само собой. Слова в такие мгновения приходят почему-то особенно верные, без фальши. Ко мне подошел очень крупный человек — как выяснилось в разговоре, латыш.

— Послушал вас и знаю, что вы достойный человек, — сказал он и, пожав мне руку, добавил: — Приезжайте, когда мы с вами будем свободными.

...Мы вернулись на Домскую площадь. Раздаем газеты сидящим у костров, шоферам на грузовиках, девушкам-медсестрам, дежурящим в Домском соборе, оборудованном под госпиталь. Замерзнув, мы зашли сюда погреться и попали в иной, не баррикадный, а божественный мир спокойствия и тишины. Звучала тихая музыка органа.

Настал день отъезда в Москву. Вечером за нами заехала машина, ее прислала Татьяна Фаст... А когда мы грузились в вагон, прибежала и сама Таня, принесла свежие номера «Независимой Балтийской газеты»...

— Мне кажется, что в Москве тоже будет горячо, — сказала Таня на прощание и направилась к выходу. На ходу обернулась: — Вы не знаете... сегодня умер оператор Гвидо... в больнице».

26 января 1991 года. Похороны погибших во время вооруженного конфликта в Риге 13 января. Фото: Дмитрий Соколов / Фотохроника ТАСС

Татьяна Фаст